

Елена Тян

ЗАКОН ГУКА

пионерские
истории

Елена Тян

Закон Гука. Пионерские истории

«Издательские решения»

Тян Е.

Закон Гука. Пионерские истории / Е. Тян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907458-4

Тема книги довольно рискованная, потому что «Пионерия» — это мем, часто эксплуатируемый в ностальгических проектах, и очень трудно найти какой-то оригинальный подход к нему, не повторяясь и не тиражируя банальностей. В каждом из рассказов автора в двоечниках и пионерках мы видим будущие характеры, и, пожалуй, это увлекает нас больше, чем незамысловатые школьные сюжетные катаклизмы.

ISBN 978-5-44-907458-4

© Тян Е.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
От иллюстратора	7
Вместо предисловия	8
Воробей	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Закон Гука Пионерские истории

Елена Тян

Посвящается моему мужу, который всегда в меня верит

Иллюстратор Владимир Тян

Корректор Людмила Шилина

© Елена Тян, 2018

© Владимир Тян, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7458-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Закон Гука – утверждение, согласно которому деформация, возникающая в упругом теле, пропорциональна приложенной к этому телу силе. (Википедия)

Когда в школе началась физика, мне было совершенно непонятно, как все эти законы могут пригодиться в жизни? И только сейчас я начинаю понимать, как они универсальны. Вот например, закон Гука – про изменение формы или объема тела под воздействием приложенной силы. Это же не только про упругость пружины – это же про нашу, человеческую упругость и изменения.

Способность тела сопротивляться деформации, называемая в физике упругостью, в жизни человека называется независимостью, самостоятельностью, стойкостью собственной позиции. Получается, что деформация – это изменения, происходящие в нас под воздействием разных внешних сил – идеологии, учителей, друзей, культуры.

Закон Гука работает постоянно, особенно в начале пути, когда мы только выходим в открытый мир и он наваливается на нас всем своим весом. Самые интересные наблюдения и опыты происходят в лаборатории самой жизни, когда под влиянием многих сил рождается человек.

08 апреля 2018 года

От иллюстратора

Тема книги довольно рискованная для автора, потому что «Пионерия» это мем, часто эксплуатируемый в ностальгических проектах, и очень трудно найти какой-то оригинальный подход к нему, не повторяясь и не тиражируя банальностей.

Для того, чтобы воспоминание о пионерском детстве прозвучало искренне, оно и должно быть искренним, в нем должна быть часть тебя, до сих пор вызывающая эмоции.

Мне кажется, что автору «Закона Гука» удалось именно это – выбрать из массы давних впечатлений ровно те, которые не стерлись как раз благодаря своей важности, своему влиянию в дальнейшем на выборы и взросление автора. В каждом из рассказов, в двоичниках и пионерках мы видим будущие характеры, и, пожалуй, это увлекает нас больше, чем незамысловатые школьные сюжетные катаклизмы.

Удачи Вам, Елена, продолжайте раскапывать просторы своего советского детства, там, наверняка, еще полно разных сокровищ!

Нет никого, в том возрастном диапазоне, к которому отношусь и я, кого не коснулась бы пионерская тема. Поэтому трудно сказать, сделаны ли иллюстрации точно по мотивам рассказов, или там и мои собственные воспоминания. Но к чему бы ни относились эти образы, вызваны они были именно этими простыми историями, читая которые я засомневался, не со мной ли они случились лет тридцать тому назад.

Владимир Тян, иллюстрации

Вместо предисловия

Память – удивительный дар, индивидуальная капсула времени. Откроешь ее и оттуда вырывается детство – живое, яркое, осязаемое.

Мое детство – это пионерия! Это задор, радость, песни хором, пионерский галстук. Это «Тимур и его команда», смотр строя и песни, день антифашиста, вынос знамени, субботники. Это помощь ветеранам и отстающим в классе, пионерский лагерь, трудовой лагерь, «До 16 и старше», огоньки в классе, это яркая жизнь! Это мои учителя, взрослые, на которых я хочу быть похожей, пионерские вожатые, мой класс, мои друзья, мечты и надежды. Это коммунальная квартира в московском рабочем районе Тушино, мои мама и папа, моя младшая сестра, мои соседи. Это 80-ые, это мое время.

Пионерия—религия моего детства, а в Бога и светлое будущее верят всем сердцем, не уточняя и не задавая вопросов. Просыпаясь и засыпая с мечтой о светлом, лучшем, будущем. Я хорошо помню детское ощущение, после пробуждения утром. Это всегда трепет, азарт и тайна, потому что не знаешь, что случится с тобой этим утром, этим днем. Не знаешь и ждешь. Это такой утренний аромат приключения, щекочущий твои ноздри, ускоряющий бие-ние твоего сердца, посылающий импульсы разным частям тела, заставляющий тебя не вставать, а вскакивать с кровати и бежать, нестись навстречу новому дню легко и смело, даже с вызовом.

Радостно выглядывать во двор из окон второго этажа пятиэтажного дома, погружаясь в происходящее. Соседка тетя Лена спешит на работу. Дядя Саша из дома напротив, курит на балконе и настраивает маленький радиоприемник. Валентина Петровна ведет в детский сад хнычущую Наташку. Михалыч снова пытается завести машину, а тетя Тоня уже качает коляску на лавочке под липками. Баба Сима, опираясь на свою палочку выходит на лавочку у подъезда, где уже сидит баба Люда.

Скорее, скорее. На кухне уже тесно. Соседский Васька снова первым занял ванну и теперь придется ждать. Поворачиваю ручку на радиоприемнике и: «Здравствуйте, ребята! Слушайте «Пионерскую зорьку».

День распускается как масло на сковороде у тети Лиды для ее вкуснейших сырников. На плите кипит чайник, а мама еще не пришла с ночной смены. Скорее, скорее в школу, к ребятам! Что там сегодня?

В ста метрах от моего дома – школа. Трехэтажное, серое еще довоенное здание, обнесенное деревянным зеленым забором. 823 школа – во времена моего детства была единственной восьмилеткой Москвы. Единственная восьмилетка в рабочем заводском поселке Комсомольский, в народе, именуемом Комсомолка.

Весь поселок умещался в четырнадцати домах и трех проездах: первом, втором и третьем. Иногда я думаю, сколько раз мои ноги проходили и пробегали по этим улицам? Сколько раз я плелась или неслась одной и той же дорогой в школу и обратно? Моя память с удивительной точностью хранит цвета, запахи и звуки. Я помню все маршруты «Казачков-разбойников» и лучшие места для прятков; все подъезды, на которых мы развешивали газеты и открытки ко дню Победы.

Там, тогда происходило самое важное, самое бесценное и дорогое. Там в постоянно бурлящем питательном бульоне росла я, мое воображение; рождалась дружба, любовь, зрела ответственность. И из всего этого выросла я, выросло мое поколение и выросло наше будущее.

Человеку свойственно осмысливать и возвращаться. Я – не исключение. Я часто мысленно возвращаюсь туда, в свое пионерское детство, где все хотели быть героями. Героизм в крови у всего моего поколения. Это наша социальная матрица, наш код. Именно эта внутренняя матрица отозвалась у меня внутри, когда со сцены, из зала прозвучала история про пионерку и трусы на первой русскоязычной конференции плейбэк театров «Продвижение».

Моя внутренняя пионерка тут же выпрямила спину и отдала салют пионерке из истории. Так мы познакомились с Наташей Каширской, которая вдохновила меня на написание этих историй. Так появилась эта книжка, которая сейчас перед вами.

С уважением, автор

Воробей

Клавочка оторвалась от конспекта урока и посмотрела в раскрытое окно. За окном гудели весна и школьная перемена. Тополиные почки не выдерживали натиска прорывающихся упругих листочков. Вспоротые их остроконечными пиками, бутоны разрывались и падали на асфальт, источая терпкий запах и проливая вязкий и липкий сок.

По школьному двору носились радостные дети, приветствуя ликующим ором жизнь, солнце, воробьев, зелень листьев и не обращая никакого внимания на разбросанные липкие почки. Девчонки гонялись друг за другом в салочки, играли в резиночку, мальчишки – в мяч. А осиротевшие тополиные бутончики липли к обуви в неистребимой жажде любви. Весна рвалась наружу.

Недавно начавшей учительствовать Клавочке нестерпимо захотелось туда, на волю, чтобы ветер растрепал ее светлые волосы, чтобы каблучки застучали по асфальту, а грудь наполнилась этим весенним звоном. Но впереди ждал еще один урок, и Клавдия взяла себя в руки. Она вновь вернулась к конспекту: «Написание о-е (ё) после шипящих в корне слова». Пробежала глазами по написанным ее же рукой строчкам и еще раз прокрутила в голове план урока.

Громко зазвенел школьный звонок и двор опустел. «На сегодня последний», – радостно подумала Клавдия и пошла открывать дверь класса, по дороге превращаясь в строгую Клавдию Яковлевну. «Последний!» – читала она в глазах разгоряченных весной подростков, изо всех сил сдерживающих радость и нетерпение снова оказаться там, за окном, на школьном дворе.

Шумный 5Б рассаживался по местам, доставал книжки и тетради и замерев у парт, приветствовал учительницу.

– Здравствуйте, – строго произнесла Клавдия, – садитесь.

Все послушно сели.

– Откройте тетради, напишите сегодняшнее число, классная работа, – проговорила она и открыла доску с каллиграфической надписью на ней: «Двадцать восьмое апреля. Классная работа».

Все открыли тетради и стали списывать с доски.

– Тема сегодняшнего урока, – начала занятие молодая учительница, – правописание гласных о-е (ё) после шипящих в корне слова.

На предпоследней парте, прямо напротив окна, сидел Коля Детушев, двоечник. Любимая им галерка позволяли предаваться мечтаньям и наблюдениям. «Место козырное, – думал Коля, – все видно. Хочешь – смотри на доску, хочешь – смотри в окно; и спрятаться, если что, можно – пригнулся к тетради пониже и тебя не видно, если б еще не эта мартышка рядом», – Коля покосился на свою соседку по парте и едва сдержался, чтобы не дернуть ее за косу.

Русский язык Коле давался тяжело. Он посмотрел на доску и, тяжело вздохнув, стал записывать своими скачущими кривулинами число в тетрадь, диктуя самому себе громким шепотом, чтобы не сбиться. Сидящая рядом Марина Мокрова, приставленная к Детушеву для подтягивания его по предмету, недовольно фыркнула в его сторону. Она уже отложила ручку, выпрямила и без того ровную спину и поправила свою русую косу. Коля заглянул в ее тетрадь – идеальные буквы, перевел взгляд в свою тетрадь, вздохнул и стал дописывать.

У доски Клавдия Яковлевна уже что-то объясняла, но Коля еще диктовал себе и не слушал, а когда смог наконец слушать, уже ничего не понял. Попробовал было ущипнуть Мокрову, но она бойко схватилась за пластмассовую линейку в знак обороны, и Детушев от скуки повернулся к окну.

Перед глазами его еще мелькал мяч, только что летавший по двору, он еще ощущал эту свободу движения и абсолютную радость. Помечтав в окно, Коля снова повернулся к доске и вновь попытался вникнуть в суть правописания гласных после шипящих.

Сначала он пытался вспомнить сами шипящие, а вместо этого чудились ему какие-то гады ползучие и шепчущие так, что пришлось ему даже головой потрясти, чтобы мысли эти шипучие уползли куда подальше. Он опять сосредоточенно посмотрел на доску и снова мало что понял, а потом плюнул и развернулся к окну, подперев голову ладонью и подставив свое лицо солнцу.

За окном по подоконнику прыгал воробей, звонко чирикавая и греясь на солнышке. Его взъерошенные перышки торчали во все стороны, маленький клювик смешно раскрывался, издавая громкие звуки. И до того смешно, увлекательно и беззаботно он это делал, что Коля не мог оторвать от него взгляд. Ему захотелось стать вот таким же воробьем и чирикать себе с ним на пару. Коля даже представил себя рядом.

– Детушев, – вдруг окликнула его Клавдия Яковлевна.

– Детушев, – сердито повторила она. Но он не откликнулся, разомлевший на солнце. Его соседке пришлось пихнуть его в бок. Коля сердито рывком повернулся.

– Чего тебе, мокрая? – прозвучало громко в тишине замершего класса, и тогда только Коля понял, что облажался, и посмотрел на доску.

– Наверное, ты уже все понял, раз смотришь в окно, – холодно проговорила учительница. – Ну что ж, проверим, иди к доске.

Детушев медленно встал, помедлил у парты, надеясь, вдруг училка передумает, а потом вздохнул и побрел к доске, шаркая ногами, оттягивая момент расплаты.

– Пиши, – Клавдия Яковлевна открыла сборник изложений и диктантов для 5 класса и начала диктовать вслух. – «Аркадий Семенович зашёл в дом».

Рука с мелом медленно заскользила по коричневой доске. Луч солнца бил прямо в глаза, заставляя отворачиваться и сконцентрироваться на предложении. Коля старался, проговаривал вслух и наконец дописал, радостно повернувшись к учительнице. Класс весело хихикал.

– Объясни нам, почему в слове «зашёл» ты написал «о», – строго проговорила Клавдия Яковлевна. Смех и шум в классе нарастали.

Коля очень удивился.

– Потому что она под ударением.

– Отвечай полным ответом, – Клавдия Яковлевна была неумолима, Коля вздохнул.

– В слове «зашёл», я написал «о», потому что на нее падает ударение, – Коля был очень горд собой: и предложение легкое досталось, и ответ он знает.

– Все согласны? – почему-то нерадостно спросила Клавдия Яковлевна, обращаясь к классу.

Поднялись руки.

– Кто объяснит и исправит ошибку? – прозвучал второй ее вопрос. – Давай, Марина.

Марина Мокрова, откинув косу за спину, выросла из-за парты своей прямой спиной и стала объяснять что-то там про шипящие и про проверочное слово «шествие», и про то, что если в проверочном слове – «е», то писать после «ш» надо «ё».

Коля аж вспотел от этой дуристики и возненавидел русский и Марину еще сильнее. Что это за правила такие? Ну тут же легкотня – под ударением слышится «о». В надежде он повернулся к учительнице, полагая, что она сейчас поставит эту зубрилу на место, но она только кивнула головой в знак одобрения и, усадив Марину за парту, выразительно посмотрела на Колю.

– А я ведь только что все объясняла, Детушев, – с упреком сказала учительница.

Коля, отказываясь что-либо понимать, опустил голову и смотрел в пол.

– Может быть, сейчас тебе это кажется совсем неважным, но поверь, русский язык тебе очень пригодится, – Клавдия искала пример, иллюстрирующий ее утверждение.

– Вот представь, Коля, что ты скоро вырастешь, пойдешь служить в армию и напишешь оттуда своей девушке письмо, – по классу пронеслась волна сдавленного смеха, и Коля покраснел. Клавдия Яковлевна строго посмотрела на класс. – А она откроет его, прочитает, красной ручкой ошибки твои подчеркнет и отправит тебе обратно. Стыдно будет, и ждать из армии тебя девушка не станет.

Класс прыснул новой волной смеха. Клавдия поморщилась и заторопилась, понимая, что рискует потерять дисциплину.

– Придется тебе остаться после урока и позаниматься дополнительно, садись. После урока подойдешь ко мне.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Детушев от неожиданности открыл рот и едва сдержал наворачнувшиеся слезы. Он хотел что-то возразить, сказать про весну, но вместо этого побрел обратно за парту. Досада наполовину со злостью жгла его изнутри, и сильно пихнув свой стул ногой и погрозив Мокровой кулаком, он плюхнулся за парту, уронив голову на руки.

Звонок давно прозвенел, и в опустевшем классе остались только Детушев и Клавдия. Клавдия открыла окно. Класс наполнился шумом школьного двора и свежестью весеннего воздуха. Коля снова сдержал подступившие к глазам слезы. Казалось, что все специально дразнит и зовет его на улицу: погонять по асфальту мяч, промчаться на велике, разрезая собой как ножом свежий воздух. «Ребята, небось уже собрались во дворе, а я...»

– Иди к доске, – сказала Клавдия и Коля побрел, надеясь разобраться со всем этим поскорее. Он принял, как ему казалось, серьезный вид и взял в руки мел.

Целый урок он писал на доске мелом. Три раза в окно с улицы заглядывал Вадька, пытаясь вызволить его из класса, и три раза Клавдия Яковлевна настойчиво продолжала объяснение и задерживала занавеску.

Колино желание вырваться на свободу было намертво заблокировано желанием Клавдии Яковлевны разъяснить во чтобы то ни стало правописание гласных после шипящих в корне слова, от которого, по ее мнению, зависела не только его грамотность, но и его личная жизнь в будущем.

Коля страдал. От переполняющих его эмоций он не мог разобраться с правилом, продолжал делать ошибки и потихоньку впадал в отчаяние. Клавдия тоже впадала в свое педагогическое отчаяние, но отступить не могла.

Наконец прозвенел звонок с урока, и Коля, стремительно бросив мел, рванул к своей сумке. Клавдия Яковлевна нахмурилась.

– А мы разве закончили? Звонок звенит для учителя, – как будто нейтрально проговорила она. – Ты ведь все еще ошибаешься. Давай для закрепления мы сделаем работу над ошибками. Я, к сожалению, должна отлучиться на совещание, а ты пропиши слово «шёл» на доске правильно и без ошибок. Договорились? Всю доску, чтобы запомнить навсегда и уже никогда не ошибаться. И тогда на этом все.

Коля тихо плакал, уже не в силах сдерживать слезы.

Клавдия взяла со стола журнал и вышла из класса, закрыв за собой дверь на ключ. Коля понял, что ему не выбраться и, уже не пряча свои слезы, громко рыдал от досады и ненависти к русскому и остервенело писал слово «шёл» на доске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.